
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Д. Ю. Игнатъев, Д. В. Михайлов, Л. Н. Летягин

РИНЦ ПО «ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ»

Сторонний взгляд на отечественную культуру никогда не был универсальным и обнаруживал разную степень проницательности и познавательной ценности. Хорошо известно, что «русский аршин» с трудом вступает в конвертируемые отношения с европейскими единицами измерений. «Свое» познается в сравнении с «чужим». Об этом важно помнить при выработке универсальных критериев оценки, определяя степень самостоятельности в науковедении. На фоне современных тенденций стандартизации и унификации национальная точка зрения на этот вопрос выступает важным условием информационной независимости, что не противоречит и не отменяет потребности единства подходов в применении наукометрических показателей.

Применительно к сфере гуманитарных исследований речь идет не столько о возможности сочетания имеющихся парадигм, сколько о перспективе замещения и подмены сложившихся ценностных систем. Как отмечал Вальтер Шубарт, «англичанин смотрит на мир как фабрику, француз как салон, немец как казарму, русский как на храм. <...> Англичанин ждет от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего. Он не пытается превратить ближнего в орудие...» [8. С. 308]. «*Не хотеть ничего*» можно рассматривать как особый тип национальной прагматики. Вместе с тем отнюдь не приписываемый российской национальной модели *анаморфизм*, а национальное «*непослушание форме*» можно было бы выделить как особую русскую «этническую доминанту» (Л. Гумилев).

«Гений формы — не русский гений, — писал Н. Бердяев, — он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы» [1. С. 59] (ср. с размышлениями героя романа Ф. Достоевского «Игрок»: «...Я, пожалуй, и достойный человек, а поставить себя с достоинством не умею. Вы понимаете, что так может быть? Да все русские таковы, и знаете почему: потому что русские слишком богато и многосторонне одарены, чтоб скоро приискать себе приличную форму. Тут дело в форме...»).

Возможность национальной точки зрения в наукометрии была обоснованно представлена Юджином Гарфилдом. По существу это новое для российской практики масс-медийных исследований направление диктуется динамическим изменением всех сфер научной практики и непосредственно связанных с нею моделей образования — университетской культуры, в частности. «Существует глубокая внутренняя связь между *душевной установкой* человека и его *научной формой* выражения. Здесь нет свободы выбора. За спором о формальных принципах <...> обычно скрывается сущностная противоположность различных мироощущений» [1. С. 109], — подчеркивает В. Шубарт. Именно этим в значительной мере определяется аксиология информационного взаимодействия. Формализация опыта — оборотная сторона стиля академического мышления, которое в соответствии с национальной спецификой соответствует своим критериям избирательности, отличается степенью открытости или вовлеченности в мировые тренды. «Немцы — да и не только они — наделены даром делать науки недоступными», — утверждал

Гете в «Размышлениях в духе странников». Именно поэтому вопрос о национальном содержании развития и деятельности научных школ — вопрос не праздный.

В каждой академической традиции и связанной с нею университетской культуре определяется свой «внешний лидер», по отношению к которому формируется свой «комплекс отставания». «Неужто ни один немец не может башмак застегнуть, не обучившись у другого народа!» (Гете. «Годы учения Вильгельма Мейстера»). «Англичанин мастерски умеет использовать всякое открытие, пока оно не приведет к новому открытию или новой практике. Вот и спрашивайте, почему они опередили нас во всем» (Гете. «Размышления в духе странников»).

Западная академическая наука вырастает из ремесла — из естественных потребностей развивающегося средневекового города. Это определяет ее технологический характер, ориентированность на результат. Этим определяется доминантная институциональная особенность, ключевая характеристика западного ученого сообщества, объединенного в университет. «Цех интеллектуалов» выступает как одна из форм средневековой профессиональной корпорации. Само появление университета обусловлено прямой необходимостью защитить права нарождающегося сословия интеллектуалов.

Российская академическая наука своим возникновением обязана скорее символическому, а не прагматическому обоснованию, в своей первооснове она сторонится идеи соревновательности. На долю молодой российской науки и ее вотчины — университета выпала миссия утверждения начал европейского Просвещения на русской почве [2. С. 92–93, 124–125, 184–185]. Отечественная университетская наука была направлена на формирование особого «миросозерцания», а не способа познания и трансформации мира.

В противоположность западному варианту «оторвавшейся от неба науки» отечественный способ познания И. Киреевский обозначает специфическим сочетанием «*познание веры*». В своей «Записке о направлении и методах первоначального образования в России» он уточняет: «Вера не есть только знание. Она есть убеждение, связанное с жизнью, дающее особенный цвет, особенный склад всем другим мыслям и понятиям и определяющее поступки человека столько же своею непосредственною силою, сколько влиянием своим на посторонние мысли, понятия, желания и чувства, часто не имеющие с нею видимого соприкосновения...» [4. С. 33, 386].

В то время как на Западе наука была методологией, ремеслом, в России она превращается в «высшую духовную жизнь, как разрешение «роковых вопросов» — как практику истины» (Ф. Степун). Когда место церковного предания заняла наука, тогда уверовали в науку, которая как религия потребовала служения, проповедания и поклонения, а не труда и мастерства, что отразилось в соответствующем академическом лексиконе: *верить в науку, исповедовать то или иное научное направление, ходить в университет как в храм науки, страдать за науку* и проч. Сами же научные истины оказались вторичными по отношению к понятию правды, которая положительной научной истине вполне могла и противоречить.

Согласно русскому представлению об истине ее можно лишь проживать, сливаться с ней, испытывать состояние приобщения к ней, поэтому университет и воспринимается как храм науки, в котором происходит причащение истиной, где истина снисходит как благодать и озаряет внутреннего человека своим светом.

Для русской парадигмы характерно восприятие академических вопросов как личной драмы, сопровождаемой «чувственностью русской мысли» — сопряженностью личных убеждений и исследовательской деятельности. Подобная эстетизация и этизация науки в западной парадигме воспринимается как недостаток, в русской — как конечное ее оправдание. Результатом подобной ориентации русской школы на внутреннее преоб-

ражение в Новое время стало преобладание воспитания над собственно образованием, понимаемым как усвоение объема знаний и развитие инструментария для воздействия на внешний мир.

Западный мир склонен к форме духовного капитализма. У этой тенденции есть глубокие корни, которые кроются в принципиальном отличии западного и восточного мироощущения. Западный дух склонен к бóльшей вере в реалистичность мира. Основу этого реализма составляет глубинное чувство формы, что заставляет западного человека выделять *causa formalis* (Аристотель) в качестве одной из первооснов. Для западного сознания существует то, что оформлено; реально то, что выражено, точнее — записано.

В вечном стремлении русского человека к развоплощению, растворению в созерцании — источник русской апофатики. Эти глубинные водоразделы определяют разные пути оформления способов познания мира: катафатический, научный западный (форма познания — дефиниция) и метафорический восточный (познание через искусство, метафору, озарение — благодать, которая не схватывается, не вырабатывается технологически, но снисходит).

Этим же определяются и преимущественные формы академического дискурса: для западной модели — это примат письменных форм (духовный капитализм, собрание, накапливание, умножение) и преобладание устных форм в русской культуре (риторика, словесное «расточительство», проповедь, проговаривание-проживание правды — *live the truth* — эмоциональное напряжение и восторг).

Живое звучащее слово, призванное зажечь сердца слушающих (именно слушающими, а не усердно занимающимися, как это должно следовать из самой этимологии слова, и были русские студенты), предпочиталось всякому «ученому» письменному тексту как результату кропотливой работы. Эта особая *свойственность* и определила специфический культурный облик российского университета.

В европейской традиции прагматическая ориентация на итоговость выступает основой смены регистра в биографических сценариях, когда, по определению Пушкина, «для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению...» [б. С. 56].

Ср. сходные мысли у Гете в «Фаусте»:

В науке здесь парить не надо через меру:
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновенье уловил, –
Тот мигом делает карьеру.

Стремление западной образовательной традиции к формализации и *дискурсу различения* реализуется в Новое время в попытках технологизации образования (собственно современная образовательная традиция является следствием этих попыток, предпринимавшихся еще в XVII веке), что встречает последовательное сопротивление со стороны педагогической культуры России.

Проблематичность технологизации образовательного процесса в целом и гуманитарного образования в особенности имеет как всеобщие черты (присущие природе гуманитарного знания как такового), так и собственно российские свойства, обусловленные спецификой национальной культуры. К числу первых относится принципиальная сопротивляемость гуманитарного знания его формализации. Гуманитаристика, как сфера «наук о духе», имеет объектом своего изучения субстанцию, сущность которой составляют свобода, бесконечность и абсолютность. Это не позволяет должным образом определить базовые понятия гуманитарного знания, поскольку дефиниция в данном случае не может

положить границы безграничной и свободной духовной сущности. Попытка дать определение принципиально неопределяемому дополняется стремлением изолировать объект наблюдения от наблюдателя, то есть объективировать духовную субстанцию, положив строгую границу между объектом и субъектом. С точки зрения объективной науки это совершенно необходимо, но столь же невозможно в силу самой природы духа, не познаваемого объективно. В этом отношении стремление к технологизации гуманитаристики является продолжением попытки общей формализации образовательных программ, то есть продолжением утопии просветительского рационализма. В сущности весь объем современного гуманитарного знания — это результат подобной формализации, в основу которой был положен механистический принцип разделения неделимого, его конструирования и классификации (примером такого подхода может служить французская «Энциклопедия», которая в качестве критерия упорядоченности и презентации опыта избирает алфавитный принцип, что несомненно является примитивной гуманитарной технологией, реализующей идею расчленения объективного материала и его последующее искусственное обобщение).

Университет Нового времени инновационен по определению, поскольку новая классическая модель университета XIX века оказывается очень тесно связана с естественными науками, которые всегда обращены ко дню завтрашнему, обещающему новые, более совершенные методы и результаты. Очевидность прогресса в сфере этих наук формирует особый тип «оптимистического» естественнонаучного мировоззрения. Идея модернизации и инновации заключена в самой природе естественных наук. Науки гуманитарные, чье ядро составляют история, филология и философия, неизбежно обращены к опыту прошлого. В этом отношении само понятие гуманитарной науки уже выступает как противоречие, ошибка в определении (*contradictio in adjecto*), поскольку фундаментальные принципы научного знания не могут быть соблюдены по отношению к гуманитарной сфере без очевидного урона для последней.

Тема прогресса в гуманитарной области представляет собой особую проблему, что объясняется характерным для гуманитариев пессимизмом по отношению к идеям модернизации, перспективе замещения ценностных констант. В этом плане принципиальная неподатливость «гуманитарного материала» модернизации заставляет ограничиться преимущественным обновлением формальной, а не содержательной составляющей. В системе наукометрических подходов это проявляется сегодня наиболее наглядно.

Специфика классификации и кластеризации текстов, методологии их индексирования и оценки — проблема не новая. Речь не только о «соревновательности» сфер деятельности, не о «противоположности» усилий гуманитариев и когнитариев, не о том, что гуманитарное знание, как отмечал Ю. М. Лотман, не может быть формализовано до конца. Однако именно этим определяется потребность выработки корректирующих стратегий мониторинга интеллектуального продукта. В этом случае показательно значимым представляется не единство исследовательских стратегий или приемов извлечения информации, а проблема кластеризации запросов и оценочных шкал.

Внедрение количественных оценок в академическую деятельность, подвергаясь многообразной критике со стороны различных мировых экспертов, все же не встречает жесткого сопротивления со стороны западной университетской корпорации. Изначальная включенность университета в экономическую систему определила необходимость капитализации интеллектуальной деятельности, формируя экономику знания, подразумевающую возможность количественного оценивания академической продукции. Прагматические причины возникновения университетской институции и предельная степень включенности развивающейся науки в индустрию Нового времени вполне согласуются с прагматическим отношением к самой академической деятельности, приносящей вы-

сокое социальное погложение и материальное благополучие. Своеобразная «магия науки», обеспечивающая социальную привлекательность академической деятельности, диктует необходимость постоянного участия в конкурсной деятельности как подтверждения индивидуального права занимать определенную статусную позицию в университетской иерархии. Старинная агональная традиция академической жизни, не позволяющая занимать длительно какую-либо ступень в университетской иерархии кроме высшей, включает в себя практику рейтингования среди членов корпорации. В сложившейся ситуации количественные методы оценки академической успешности оказываются лишь относительно удобным инструментарием, позволяющим вынести объективные суждения о качестве научной и преподавательской работы. Основная привлекательность использования квалиметрии заключается в ее мнимой или подлинной объективности, позволяющей исключить произвол человеческих мнений о характере деятельности своих коллег. Не являясь конечным арбитром, квалиметрия все же прочно вошла в практику западной академической жизни. Внедрение количественных методов оценивания качества научной работы, столь пугающее современное российское научное сообщество, обусловлено характерологическими отличиями отечественного университета, полагающего конечные цели своего существования не в прагматической, а в символической области.

Предельный антропоцентризм отечественной образовательной традиции, оценивающий в первую очередь личность представителя академической корпорации, выступающего *ex cathedra*, не позволяет сосредоточить экспертное внимание на качестве его «академической продукции», подлежащей формализации и количественной оценке. Первостепенное значение личности в российской академической истории существенно ограничивает диапазон использования квалиметрии в деятельности отечественного университета. Принимая во внимание общий охранительный пафос российского образования, для которого характерно стремление к благочестивой «консервации» и некоторый трепет перед сферой непредсказуемого, возникающий при всякой исследовательской работе, можно критиковать отечественную академическую корпорацию за нежелание интегрироваться в мировое научное сообщество, основанное на единых принципах оценки качества своей деятельности. Однако при всех возможных неблагоприятных мотивах скрыть собственную академическую несостоятельность за высокопарными рассуждениями о «бесценных особенностях национальной научной школы» стоит отметить, что нежелание встраиваться в западные форматы университетской жизни свидетельствует скорее о своеобразной прозорливости российского ученого сообщества, нежели о его ретроградстве. В данном случае сопротивление оказывается не инновационному характеру вносимых изменений, а их запоздалости, поскольку предлагаемые заимствования являют собой копирование арьергардного опыта, ориентированного в лучшем случае на «сегодня» (а чаще на «вчера»), в то время как жизнеспособными оказываются лишь проекты, ориентированные на будущее.

Доминирующие сегодня статистические критерии оценивания подвергаются последовательной критике и со стороны западного академического сообщества — в силу невозможности оценить качество научной деятельности на преимущественном основании количественных показателей. Как отмечал в своей известной работе «Университет в руинах» Б. Ридингс, «на вопрос Университета эпохи модерна нельзя ответить с помощью программы реформ, которая обещает либо более эффективно производить знание, либо производить более эффективное знание. Скорее саму аналогию с производством следует поставить под сомнение: она превращает Университет в бюрократический аппарат, занимающийся производством, распределением и потреблением знаний. Главный вопрос: насколько глубоко Университет как институт увяз в капиталистическо-бюрократической

системе» [7. С. 258]. Современный «кризис перепроизводства» академической продукции более не позволяет ориентироваться на диктат статистики, поскольку само по себе количественное превосходство чаще свидетельствует о беспомощности и необратимой инфляции в экономике знания формирующегося информационного общества.

Построение рейтингов университетов (факультетов, кафедр), основанное на условных (а по существу тривиальных) показателях, свидетельствует о крайне скудном «маркетинге знаний». Современное академическое сообщество нуждается в принципиально новых механизмах качественной оценки научной и преподавательской деятельности, поскольку необходимость в нетривиальных идеях, способных к выживанию в условиях тотальной унификации, заставляет изживать предельные просвещенческие интенции, направленные на крайнюю формализацию и регламентацию интеллектуальной жизни.

При решении вопроса о степени применимости разного рода библиометрической статистики для оценки эффективности научной деятельности не стоит допускать крайности. Индекс цитирования — это косвенный показатель, и при его трактовке эту особенность необходимо учитывать. Как разработчик Science Citation Index Юджин Гарфилд, так и основатель отечественной наукометрии Василий Налимов предупреждали о необходимости сочетать статистические показатели с экспертной оценкой, мнением научного сообщества. Статистические показатели при этом скорее следует рассматривать как систему дополнительных и уточняющих характеристик.

Активное применение статистических методов обработки библиографических данных в 60–80-е годы прошлого века было вызвано экспоненциальным ростом количества научных публикаций и необходимостью быстрого ориентирования в формирующемся информационном потоке, представлявшем собою не соответствующий прежним количественным критериям «бумажный вал».

Сегодня, когда заходит речь о тексте, все чаще подразумевается текст электронный, поэтому обойтись без учета статистической обработки информационного потока просто невозможно. Проблема заключается в корректности применяемых алгоритмов и обоснованности трактовки результатов, а также степени влияния статистики на формирование итогового рейтинга научного коллектива или конкретного научного сотрудника.

В 2005 году на основе информационных ресурсов ООО «Научная электронная библиотека» была создана база библиографических данных и стартовал проект РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). На сайте организации в разделе «Публикации по цитированию» сказано о том, что приведенная здесь литература «...поможет усвоить прогрессивный зарубежный опыт, а также создать «дискуссионное поле» вокруг разработки и применения РИНЦ...» Не совсем понятно, какими именно критериями руководствовались кураторы проекта при выборе источников, но в этом списке отсутствуют ссылки не только на работы Ю. Гарфилда, но и Д. Прайса [9, 10, 11]. Стоило бы упомянуть и о работах В. В. Налимова, который занимался разработкой отечественной наукометрической теории и ее практическим применением в 1960–1980-е годы. Если обратить внимание на даты этих публикаций, то выражение «прогрессивный зарубежный опыт» кажется несколько запоздалым.

Действительно, для России форма анализа научных публикаций с использованием библиографических данных не является новой и уникальной. Так, с 1952 года осуществляет свою деятельность ВИНТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации (до 1955 года — Институт научной информации АН СССР), занимающийся в числе прочего реферированием отечественных и зарубежных научных публикаций, результаты которого отражались в доступных реферативных источниках. В 1974 года ВИНТИ была предпринята попытка создания УНЦ — указателя научного цитирования, не получившая дальнейшего развития по причине отсутствия материально-технической

базы соответствующей мощности. Стоит заметить, что УНЦ задумывался разработчиками как отечественный аналог проекта SCI (Science Citation Index) Ю. Гарфилда, запущенного в 1964 года Институтом научной информации (США).

Однако нельзя сказать, что проект УНЦ полностью основывался на зарубежных разработках. Скорее его создатели понимали назревшую необходимость реализации отечественной общенаучной библиографической базы данных и разработки соответствующих статистических алгоритмов для работы с ее содержимым, видя в SCI аналог того, как это может выглядеть практически. Такое предположение позволительно сделать в силу наличия целого ряда отечественных исследований, независимо друг от друга затрагивавших наукометрическую проблематику.

Здесь необходимо снова упомянуть об исследованиях проф. В. Налимова (именно им на львовском симпозиуме 1966 года было предложено использовать термин «наукометрия»). Развитие науки в его работах понимается как процесс, который может характеризоваться хотя и косвенными, но вполне конкретными числовыми характеристиками — такими, например, как количество публикаций, число научных сотрудников и размеры научных коллективов. Это и позволяет делать определенные статистические выборки и принимать управленческие решения с учетом выявляемых результатов. На том же симпозиуме профессор В. Налимов отметил вновь проявившуюся тенденцию к организации неформальных (в том числе и международных) объединений ученых, обосновывал необходимость создания информационного центра, в задачу которого входил бы как статистический анализ информационных потоков, так и обратная связь с научными коллективами. Такой информационный обмен позволил бы, опираясь на предоставленные данные, с большей точностью ориентироваться в перспективных направлениях науки и за счет этого корректировать развитие наиболее приоритетных исследовательских сегментов. Основным параметром оценки эффективности научной деятельности в алгоритмах В. В. Налимова было признано не общее количество публикаций, а цитируемость совокупности работ по конкретному направлению.

Развитие идей в фундаментальных сферах знания не может ограничиваться аналогией с обычной операционной системой, пусть хорошо отрегулированной и слаженной. Современные алгоритмы (в том числе поисковые программы РИНЦ) ориентированы по преимуществу на журнальные публикации, тогда как еще в 60-х годах прошлого века при попытке статистического анализа работ в области философии В. В. Налимовым были выявлены особенности таких публикаций. В ходе предпринятого анализа было установлено, что в представленных в периодике философских текстах крайне низок уровень связей между публикациями, затруднена возможность последовательного прослеживания развития какой-либо идеи, число ссылок на повременные научные издания подчеркнуто мало, тогда как подавляющее большинство имевшихся (82%) представляли собой ссылки на фундаментальные монографические исследования. В результате В. В. Налимовым был сделан вывод, что «...логико-структурные связи в исследованиях по философии совершенно отличны от связей в точных, естественных и технических науках...», в силу специфики предмета в сфере философского знания «...в значительной степени нарушен основной принцип развития информационных потоков в науке — последовательная преемственность идей через журнальные публикации...» [5. С. 113–114]. Именно поэтому распространение новых научных идей в сфере философского опыта не может напрямую соотноситься с общей скоростью движения информационного потока и тем более не должно этим «критерием» определяться.

Сегодня информационное сопровождение научной деятельности (информационный сервис, наукометрический анализ) претендует на статус самостоятельной культурной сферы. Затрагивая вопрос о математическом аппарате РИНЦ, многими авторами отме-

чается отсутствие внятного описания его алгоритмов. По утверждению В. А. Евстигнеева, «наукометрия — это совокупность количественных методов изучения развития науки как информационного процесса» [З. С. 203]. Однако наука — это не только информационный процесс, но и процесс проектирования неизвестных еще форм, прогнозирования способов порождения новой информации.

Как самодостаточная система современная наукометрия развивается далеко не в вероятностной логике развития самой науки. При этом именно наукометрические показатели выступают зачастую основным (если не единственным) механизмом определения приоритетных сфер, регулятором государственной поддержки и выделения соответствующего финансирования.

Когда количественные критерии, принятые изначально за основу, остаются преобладающими, влияние информационных ресурсов на развитие самой науки отступает на второй план. Не стоит отрицать, что конъюктурность — это оборотная сторона конкурентности. Об этом в фильме Э. Рязанова и Э. Брагинского «Гараж» размышляет ученый мирового уровня: «Я не знаю, какой я ученый, ...но самое обидное, что я еще и трус. Казалось бы, чего мне бояться? Но в молодости меня много били, ...при чем били за то, за что потом давали звания, ...премии. Но испугали на всю жизнь...»

Электронная форма распространения информации прочно вошла в научный обиход, укоренившись в сознании всех возрастных категорий академического сообщества. В каком направлении информационный поток будет развиваться, какие возможные формы примет в будущем, насколько не вполне определенные сегодня процессы могут стать в перспективе по существу управляемыми в соответствии с логикой науки и самосознанием культуры?

Для потенциального рассмотрения остается актуальным целый спектр дискуссионных вопросов.

Как простимулировать активность современного ученого? Как отличить перспективность развития принципиально нового направления от «паранаучного самовыражения» и «академической моды»? Возможен ли мониторинг качества на основе количественных показателей? Можно ли в оценке интеллектуальной собственности оценивать «know» без «how»? Насколько реалистична существующая сегодня типология рейтингования? Что в действительности стоит за наукометрическими показателями и что выявляется благодаря возможностям подобной «сверки»? Должны ли «нормировщики от науки» определять приоритетные ее направления. В какой степени наукометрия способна выступать действительным фактором развития науки? Поддается ли сама сфера наукометрии квалиметрической экспертизе?

* * *

Отечественное научное сообщество высказывало и продолжает высказывать ряд сомнений в адекватности рассчитываемых наукометрических показателей и принципов их вычисления. Менеджмент качества (knowledge Management) современных научных текстов невозможен без всестороннего рассмотрения проблемы семантической оценки (оценочной семантики) — того, что закрепилось за понятием «функциональная семантика оценки». В условиях глобализирующегося мирового социума именно мировоззренческая функциональность может противостоять рутинной «механике мысли», сохраняя сущностные характеристики культурного многообразия в каждой национальной академической или образовательной модели.

Информационная независимость — важный критерий информационной безопасности, и речь в этом случае должна идти не только о возможностях технических программ. Безусловно, электронные библиографические базы данных необходимы. Их появление

стало логичным следствием естественного развития науки как активно развивающейся и саморегулирующейся системы. Столь же логичным представляется появление инструментов учета библиографических ссылок, так как последние представляют собой универсальный язык научных публикаций. Системное управление наукой невозможно без наличия инструментария, свободного от влияния человеческого фактора, каковыми и являются статистические расчеты, основанные на содержательном анализе библиографических баз данных, выявлении актуальных внутренних связей. Однако использующиеся сегодня алгоритмы таких расчетов не должны (а по существу и не могут) быть одинаковыми для всех областей знания, а потому нуждаются в соответствующей функциональной адаптации и содержательной корректировке.

С еще большей осторожностью следует подходить к принципам формирования рейтинга научного издания, коллектива или ученого. Эта оценка не должна состоять только из результатов статистических исследований, а формироваться из совокупности ряда показателей, важнейшими из которых будут экспертиза и мнение научного сообщества. Крайне необходим осознанный подход к построению отечественных систем индексирования и вычисления рейтингов, который был бы ориентирован на национальную модель и учитывал отечественный наукометрический опыт. Соблюдение этого условия при разработке интерфейса РИНЦ позволит в значительной степени снизить риск утраты традиций, ценности и общественной значимости гуманитарного знания в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России / [Послесл. К. Ковалева]. М.: Советский писатель, 1990. 346 с. (Русская мысль).
2. Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века: Историко-проблемный очерк просветительской мысли. М.: Искусство, 1983. 236, [2] с.
3. Евстигнеев В. А. Наукометрические исследования в информатике // Новосибирская школа программирования: Переключки времен [сборник статей] / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т систем информатики им. А. П. Ершова; Под ред. проф. И. В. Поттосина, канд. ф.-м. н. Л. В. Городней. Новосибирск: Институт систем информатики, 2004. С. 203–215.
4. Киреевский И. В. Критика и эстетика / [Сост., вст. ст., с. 7–39, и прим. Ю. В. Манна]. М.: Искусство, 1979. 438, [1] с., портр. (История эстетики в памятниках и документах).
5. Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1969. 192 с.: черт. (Физико-математическая библиотека инженера).
6. Пушкин А. С. Дневники. Записки / А. С. Пушкин; Изд. подгот. Я. Л. Левкович; [Отв. ред. С. А. Фомичев; РАН]. Федеральная целевая программа книгоиздания России. СПб.: Наука: Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. 331, [5] с. (Литературные памятники).
7. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. Андрея Корбуа. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшая школа экономики, 2010. 299, [1] с. (Серия Теория и практика образования).
8. Шубарт В. Европа и душа Востока / Вальтер Шубарт; [Пер. с нем. З. Г. Антипенко и М. В. Назарова]. 2-е изд., испр. М.: Русская идея, 2000. 446 с.: портр. (Русская идея; Вып. 3).
9. Garfield E. Citation Indexes for Science: A New Dimension in Documentation through Association of Ideas // Science. 1955. Vol. 122/3159. P. 108–111.
10. Garfield E. Citation Indexing — Its Theory and Application in Science, Technology, and Humanities. New York: John Wiley & Sons, 1979.
11. Price D. J. de S. Little Science, Big Science. New York: Columbia University Press, 1963. 119 p.